Молю ж вы, братие, наказуйте безумныя, утешайте малодушныя, носите немощьныя, долготерпите в всех, блюдете да некто зла за зло кому въздаст, но всегда благое гоните и к друг другу, и к всем...[168]	Молим же вы, братие, вразумляйте бесчинныя, утешайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите к всем, блюдите да никто же зла за зло кому въздаст, но всегда добрая мыслите друг к другу и к всем...[169]	Молимь же вы, братие, наказуйте безумныя, утешайте малодушныя, носите немощныя, долготерпите в всех, блюдете да некто зла за зло кому въздаст, но всегда благое гоните и друг друга, и ко всем...[170]

Результаты проделанных текстологических сопоставлений свидетельствуют о сравнительно раннем происхождении церковных книг, послуживших первоисточниками для учебника Ивана Федорова. Значительное место среди них занимали рукописные книги XV и первой половины XVI в., несколько устаревшие ко времени появления первопечатной Азбуки. Зная, с какой высокой требовательностью относился великий мастер книги к выпускаемым им изданиям, такую особенность учебника можно объяснить лишь тем обстоятельством, что значительная часть его текстов была заимствована не прямо из церковных книг, а через посредство каких-то других памятников, так или иначе связанных с вопросами начального образования и воспитания в Московской и Юго-Западной Руси. В подтверждение такой точки зрения можно сослаться на отдельные произведения древней литературы, хотя бы отчасти использующие те же выдержки из церковных книг, что и первопечатная Азбука. Так, первые девять молитв, составляющие начало второй части анализируемого учебника[171] (за исключением зачала «Слава тебе...»), в такой же последовательности приведены в «Книге Константина Философа».[172] Редакционные расхождения между аналогичными текстами этих двух памятников не позволяют нам согласиться с предшествующими исследователями в том, что между «Книгой Константина Философа» и Азбукой Ивана Федорова существовала непосредственная преемственность.[173] Но, как было отмечено выше,[174] своеобразное начало второй части учебника, открывающееся текстом «За молитв святых отец...», не соответствует редакции первопечатных часовников, а, по-видимому, было обусловлено теми общими традициями, которые господствовали как в южнославянской, так и в русской древней педагогике. Рассмотренные выше библейские цитаты также имеют место в некоторых памятниках древней русской литературы. Примером аналогичного подбора выдержек из Ветхого завета может служить Домострой[175] или еще более ранний русский рукописный сборник Измарагд.[176] Отдельные главы этих памятников, развивающие тему взаимоотношений между родителями и детьми, базируются на тех же положениях из Книги притчей Соломона, которые вошли в состав Азбуки Ивана Федорова. В отличие от редакции учебника, в Домострое, как и в Измарагде, этот материал изложен в несколько иной манере, допускающей более свободное обращение с церковными текстами. Но наличие нескольких самостоятельных случаев использования одних и тех же выдержек из ветхозаветной части Библии заставляет думать, что

[168] R. Jakobson, фототипии pp. 76, 77.
[169] Львовский Апостол, л. 184 об.
[170] ГПБ, Q.I.947, л. 249.
[171] R. Jakobson, фототипии pp. 49—52.
[172] И. В. Ягич, стр. 435, 438, 440, 441, 442, 505.
[173] Т. А. Быкова, стр. 471.
[174] См. стр. 219—220 настоящей статьи.
[175] А. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным, кн. 1. М., 1908 (далее: Домострой), стр. 13, 16.
[176] Н. А. Лавровский. Памятники старинного русского воспитания. — ЧОИДР, кн. 3, отд. 3, 1861 (далее: Н. А. Лавровский), стр. 3—12.